
Глава V

ПОСЛЕВОЕННЫЕ «ЗАМОРОЗКИ»

Номенклатурная перегруппировка в Кремле

Победный 1945-й явился для Сталина не только годом военного триумфа, ознаменовавшегося увенчанием его «имперской короной» в виде предложенного маршалами звания генералиссимуса, но и апофеозом его этнополитической доктрины, зиждившейся на «русоцентризме» и селективном использовании традиций российской государственности. Не случайно, выступая 24 мая в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной армии, он провозгласил тост «за здоровье русского народа», который «заслужил в... войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов... страны»¹.

Однако интересы мощной империи которая, установив контроль над Восточной Европой и превратившись в мировую державу, вышла за пределы одного государства, не позволяли Сталину почивать на лаврах триумфатора.

Его покоившаяся на единодержавии власть требовала поддержания адекватного внутреннего политического баланса, но в нем образовался с некоторых пор явный перекося, причем в пользу значительно окрепшего в годы войны партийно-государственного тандема Маленков–Берия, выражавшего интересы военно-промышленного комплекса, что явно бес-

¹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 196–197.

покоило Сталина. Уже начиная с середины 1944 г. он стал исподволь противодействовать росту влияния этой группировки, используя в качестве политического противовеса Жданова и его «ленинградцев». Правда, в связи с тем, что в сентябре того же года Жданов был назначен уполномоченным Политбюро на мирных переговорах с Финляндией и отбыл в Хельсинки, его «котировка» на столичной бирже власти временно снизилась. Тем не менее фортуна ему благоволила: в декабре его главный соперник в борьбе за лидерство на «идеологическом фронте» Щербаков серьезно заболел, а 10 мая 1945 г. скончался от «паралича сердца». Это была ощутимая потеря для его сторонников в ЦК, и прежде всего для Маленкова. И хотя тому удалось тогда не только сохранить перешедший к нему статус второго секретаря ЦК партии, но и присовокупить к многочисленным обязанностям по Секретариату ЦК еще и руководство идеологической сферой, однако в отличие от Щербакова он не был силен в вопросах организации пропаганды и не мог на равных соперничать в них с таким опытным партидеологом, как Жданов. Это обстоятельство заметно облегчало стоявшую перед Сталиным задачу.

Всю вторую половину 1945 г. вождь посвятил тайным приготовлениям к новой закулисной баталии. Для нанесения удара по ослабленной смертью Щербакова цековской группировке были использованы вскрывшиеся вдруг серьезные проблемы в проектировании и производстве советской боевой авиации — в сфере, которую по линии ЦК курировал Маленков. Роль спускового крючка в провоцировании этого скандала сыграл сын Сталина Василий, входивший в так называемую Придворную партию¹. Летом 1945 г. он, тогда полковник ВВС, встретился в Потсдаме с отцом, которому сообщил, что руководство авиапромом, вступив в годы войны в «преступный сговор» с командованием военно-воздушных сил, отправляло на фронт в массовом количестве «летающие

¹ Верховодили в этой Придворной партии, представлявшей собой самостоятельную аппаратную силу, личный секретарь Сталина А. Н. Покребышев и начальник охраны вождя генерал Н. С. Власик.

гробы» в виде дефектных истребителей Як-9, а также скрывало значительное отставание СССР от Германии в развитии реактивного авиастроения¹.

Существенную закулисную роль в раскручивании интриги сыграл авиаконструктор А. С. Яковлев, занимавший пост заместителя наркома авиапромышленности. В годы войны он близко сошелся с Василием Сталиным, запросто приезжал к нему на дачу в Зубалово и даже изготовил для сына Верховного главнокомандующего закамуфлированный вариант Як-3 — самого скоростного в те годы истребителя. Возможно, именно Яковлев помог Василию Сталину в сборе компромата, который тот передал отцу. А 6 сентября 1945 г. Яковлев сам направил Сталину письмо, в котором основным виновником провалов в создании реактивных самолетов и дальних бомбардировщиков назывался нарком авиапромышленности А. И. Шахурин².

Пока эта информация проходила через бюрократическую круговерть и на ее основе готовились репрессивные решения, у Сталина в середине сентября случился инсульт: сказалось психологическое перенапряжение в годы войны, а последней каплей стал атомный сюрприз американцев в ходе разрушительной бомбардировки Японии. Правда, этот приступ был не очень сильным, и болезнь вскоре отступила. Прибыв в начале октября на отдых в Сочи, где свой отпуск проводил и Шахурин, Сталин принялся по своему обыкновению усыплять бдительность будущей жертвы³.

¹ Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива. М., 1993. С. 122, 131, 149; Тайна «авиационного дела» / Публ. док. И. Н. Косенко // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 57–64; Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы–Сталин. М., 1995. С. 57.

² РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1643. Л. 88.

³ На торжестве по случаю 70-летия М. И. Калинина, устроенном в начале ноября 1945 г. на даче юбиляра у горы Малый Ахун, Сталин был подчеркнута приветлив с приглашенным на этот прием Шахуриным. Более того, когда спустя несколько дней нарком возвращался в Москву, Сталин поручил своему секретарю Поскребышеву проводить его до железнодорожного вокзала (Свидетельство замминистра авиапромышленности С. М. Сандлера. Магнитозапись 2 июля 1993 г. Архив автора).

Возвратившись в столицу 17 декабря 1945 г., Сталин принялся энергично готовиться к осуществлению задуманной им перетряски в высшем руководстве, задействовав вскоре в реализации этого плана Жданова, вернувшегося из командировки в Хельсинки 26 декабря. Решающим оказалось состоявшееся 29 декабря в Кремле первое за продолжительное время полноценное заседание Политбюро. Председательствовавший на нем Сталин предложил отстранить Шахурина от занимаемой должности и взял на себя поручение «наметить» кандидатуру нового наркома авиапромышленности. Уже 30 декабря новым руководителем отрасли утвердили М. В. Хруничева¹.

В целях обоснования отставки Шахурина его первоначально обвинили в махинациях с трофейным имуществом, что широко практиковалось Сталиным в ходе номенклатурных разборок. 9 января 1946 г. Оргбюро ЦК приняло постановление «О недостойном поведении Шахурина А. И.», в котором бывшему наркому инкриминировалось присвоение семи вывезенных из Германии легковых автомобилей. После этого «авиационное дело» стало стремительно набирать обороты. Однако руководить следствием, призванным вскрыть страшивший вождя аппаратный с элементами коррупции створ за его спиной, тот не доверил ни Берии², ни тем более его ставленнику наркому госбезопасности В. Н. Меркулову³. Еще

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Л. 9; Яковлев А. С. Цель жизни. М., 1987. С. 362–363; Свидетельство А. А. Щербакова (Авиация и космонавтика. 1999. Сентябрь. С. 45); На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Науч. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. <www.lost-empire.ru>.

² 29 декабря 1945 г. Берия был устранен с поста наркома внутренних дел в связи «с перегруженностью... другой центральной работой» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 3).

³ «Человеком» Берии Меркулов стал еще в 1920-е гг., работая под его руководством в органах ГПУ Грузии. Будучи выходцем из дворян и получив хорошее образование, он участвовал в редактировании так понравившейся Сталину книги Берии «К вопросу о создании большевистских организаций в Закавказье» (1935 г.). Переехав в Москву и став наркомом внутренних дел СССР, Берия в 1938 г. перевел Меркулова с поста заведующего промышленно-транспортным отделом

17 декабря 1945 г., т. е. сразу по возвращении из Сочи в Москву, Сталин поручил «размотать» это дело лично преданному ему начальнику Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР В. С. Абакумову¹, который особо отличился в январе 1945 г., возглавляя операцию по тайному захвату в Будапеште известного шведского дипломата Рауля Валленберга (подозревался в сотрудничестве с американской разведкой), спасшего тысячи евреев, обреченных на смерть в гитлеровских концлагерях.

Первые важные показания по «делу» были добыты в ходе «острых» с применением физического воздействия допросов командующего ВВС Дальневосточного военного округа, маршала авиации С. А. Худякова, арестованного 14 декабря 1945 г. и первоначально обвинявшегося в хищении трофейного имущества, сокрытии настоящего имени (А. А. Ханферянц), былых связей с армянскими националистами (дашнаками) и шпионаже в пользу англичан. Однако в феврале 1946 г. от Худякова потребовали компромат уже на Шахурину и руко-

ЦК ПК(б) Грузии на должность своего первого заместителя, а в 1941-м рекомендовал его на пост наркома государственной безопасности СССР. Увлекаясь художественным словом и издав под псевдонимом «Всеволод Росс» ряд драматических произведений, Меркулов покровительствовал литераторам и считался в их среде либеральным чиновником. В мае 1945 г. его как не справившегося с «возложенными ЦК задачами» перевели из членов в кандидаты ЦК и с понижением назначили начальником Главного управления советским имуществом за границей при Совете министров СССР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1058. Л. 3; Оп. 162. Д. 38. Л. 129).

¹ Родился Абакумов в Москве в 1908 г. в семье истопника и прачки. До 1916 г. учился в церковно-приходской школе. В 1930-м, работая грузчиком на складе «Центросоюза», вступил в партию и через два года начал карьеру в органах внутренних дел. В 1937 г. на волне чистки кадров в центральном аппарате НКВД был взят оперуполномоченным в секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, а в декабре 1938 г. отправился руководить региональным управлением НКВД в Ростов. В июле 1941 г. возглавил Управление особых отделов НКВД СССР. А с марта 1943 г., после передачи особых отделов в армию, возглавил созданное в РККА Главное управление контрразведки «Смерш», и его как перспективного руководителя спецслужб стал персонально опекать Сталин.

водителей ВВС. Случилось это после того, как обвинительный материал, представленный тогда на них Абакумовым¹, Сталин счел легковесным, явно «не тянувшим» на аресты подозреваемых, потребовав более убедительных доказательства их вины.

Опасаясь, что Шахурин из-под удара сможет вывести нomenclатурная солидарность, Сталин 23 февраля 1946 г. распорядился через Политбюро «снять немедленно с работы» заведующих отделами самолетостроения и моторостроения Управления кадров ЦК ВКП(б) А. В. Будникова и Г. М. Григорьяна, поскольку те-де сами «несут ответственность за неустройство в Наркомате авиации»².

Между тем 2 марта было опубликовано сообщение о присвоении Василию Сталину генеральского звания. Впрочем, это повышение было уже 18 марта «уравновешено» введением Маленкова на пленуме ЦК в состав Политбюро. Однако в тот же день новым секретарем ЦК был назначен ставленник Жданова А. А. Кузнецов. Поскольку в связи с недавней болезнью Сталина в коридорах власти шепотом заговорили о Молотове как о наиболее вероятном преемнике вождя, на том же мартовском пленуме упразднили занимаемую им должность первого заместителя председателя правительства и перевели его в обычные заместители. А спустя два дня еще один протеже Жданова — М. И. Родионов сменил А. Н. Косыгина на посту председателя Совета министров РСФСР³.

А 29 марта и самого бывшего наркома авиапромышленности назначили заместителем председателя Совета министров РСФСР⁴. Казалось, что «черная полоса» в карьере Шахурин

¹ Шахурину и руководителям ВВС инкриминировалось следующее: вступив друг с другом в преступный сговор, они при потворстве кураторов из аппарата ЦК ВКП(б) в течение предшествовавших 3,5 лет оснащали военно-воздушные части бракованной авиатехникой, что сорвало 45 тыс. боевых вылетов и привело к 756 авариям и 305 катастрофам самолетов (*Турченко С.* 1946 год: дело главкома ВВС и наркомавиапрома СССР. <www.pravo.ru/process/view/13001/>).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 24.

³ Там же. Оп. 116. Д. 254. Л. 1; Оп. 117. Д. 589. Л. 5; Правда. 1946. 20 марта.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 254. Л. 1; Д. 1057. Л. 16.

закончилась, однако его номенклатурные перемещения были лишь отвлекающим маневром и уловкой Сталина. Тот, получив от Абакумова новые данные о «преступной деятельности» Шахурина, дал 7 апреля согласие на его арест. В тот же день за решеткой оказались упомянутые Будников и Григорьян, а также главный инженер и начальник НИИ ВВС А. К. Репин и еще несколько руководителей ВВС. Последним под стражу взяли 23 апреля командующего ВВС А. А. Новикова, которого Василий Сталин считал своим личным врагом.

В ходе допросов Шахурина на поверхность всплыла произошедшая еще 3 июня 1943 г. история трагической гибели его 15-летнего сына Володи¹.

¹ В тот день сын наркома застрелил на лестнице Большого Каменного моста дочь известного дипломата К. А. Уманского Нину, после чего смертельно ранил себя самого. С этой девушкой и другими детьми высшей номенклатуры он вместе учился в московской школе № 175 и питал к ней сильное романтическое чувство. Роковые выстрелы стали следствием того, что сын наркома глубоко переживал предстоящую разлуку с Ниной, которая вскоре должна была уехать вместе с отцом в Мексику, куда тот направлялся послом. Первоначально расследованием этого наделавшего немало шума происшествия занимался начальник следственного отдела Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин. Он установил, что орудием убийства послужил «вальтер», переданный Володе его другом Ваню Микояном — сыном члена Политбюро Анастаса Микояна. Шейнин интерпретировал этот инцидент как трагическую случайность, не обнаружив в нем признаков политического заговора. Однако жена наркома Шахурина С. М. Лурье утверждала, что имела место провокация гестапо, чьи агенты якобы осуществили теракт в центре Москвы. И хотя в действительности ничего подобного не подтвердилось, «политика», тем не менее, странным образом присутствовала в этом деле. Согласно изъятому при обыске дневнику Володи Шахурина, он и сыновья А. И. Микояна, А. С. Аллилуевой, хирурга А. Н. Бакулева, отпрыски других представителей советской элиты, а также племянник американского бизнесмена А. Хаммера так «заигрались», что вроде бы создали тайную организацию со странным названием «Четвертый рейх». Начитавшись «Mein Kampf» А. Гитлера, русский перевод которого, как отмечалось, был передан «для служебного пользования» высшим советским руководителям, они сформировали «теневое правительство» (во главе с В. Шахуриным), называя друг друга «рейхсфюрерами» и «группенфюрерами». В итоге расследованием занялись органы госбезопасности, которые арестовали по этому скандальному делу восемь юношей, выслав их на один год в разные области СССР — на Урал,

Между тем еще 13 апреля Маленков по решению Политбюро сдал, а Жданов принял руководство идеологической сферой. Передав одновременно А. А. Кузнецову и полномочия начальника ключевого в аппарате ЦК Управления кадров, Маленков оставался пока председательствующим на заседаниях Оргбюро ЦК (прерогатива второго секретаря ЦК), и как бы в утешение ему вменили контроль за работой компартий союзных республик. Постепенно лишая Маленкова партийной власти, Сталин все больше загружал его ответственными поручениями по линии Совета министров СССР. Еще 22 марта состоялось назначение Маленкова председателем комиссии по постройке стратегического бомбардировщика Ту-4, способного нести атомное оружие¹.

Получив вскоре от Абакумова протоколы с вынужденными «признаниями» Шахурина, Новикова и других участников «дела» о том, что Маленков, зная в годы войны о беспорядках в авиации, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б), Сталин 4 мая 1946 г. провел через Политбюро решение о выводе Маленкова из Секретариата ЦК, мотивировав эту отставку тем, что тот «как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов)...»²

в Сибирь и Среднюю Азию (см. подробнее: *Терехов А. М.* Каменный мост. М., 2010; *Кирпичников А. Ф.* «Сталинъюгенд». М., 2008).

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2–4, 16.

² Однако это постановление, использованное Сталиным как формальный предлог для атаки на властные позиции ВПК, не было исчерпывающим. В нем по соображениям особой секретности ничего не говорилось о приписывавшейся руководству НКАП вине за провал в области создания реактивной авиации, в чем СССР значительно опередили Германия и США. Еще в принятом 26 февраля 1946 г. закрытом постановлении СНК СССР «О работе Наркомата авиационной промышленности» подчеркивалось: «Наркомавиапром допустил серьезное отставание в развитии новой авиационной техники... особенно... в деле создания реактивной техники». Недовольство Сталина было столь велико, что даже спустя пять лет он, выступая 30 апреля 1951 г. перед руководителями оборонной промышленности, припом-

Став в тот же день министром госбезопасности СССР, Абакумов завершил ударными темпами следствие по «авиационному делу». Уже 10 мая по нему прошло первое заседание военной коллегии Верховного Суда СССР. А на следующий день был вынесен приговор, по которому Шахурин, как главный обвиняемый, получил семь, а остальные осужденные — от шести до двух лет лишения свободы, с конфискацией личного имущества.

Решая в те дни дальнейшую судьбу Берии и Маленкова, Сталин по поводу будущности первого не испытывал особых сомнений, полагая, что его неумная энергия и амбиции еще долго будут поглощены руководством атомным проектом, во главе которого тот был поставлен в августе 1945 г. Не представлял для Сталина какой-либо проблемы и Маленков, который, будучи сильным и энергичным исполнителем, но слабым лидером, не был соперником в борьбе за власть. Поэтому вождь лишь для острастки наказал этого опытного функционера, наложив на него временную опалу и найдя применение вне аппарата ЦК (был передан под контроль Жданова и его «ленинградцев»). Как бы предоставляя возможность Маленкову делом искупить совершенные ошибки, Сталин 13 мая назначил его председателем вновь созданного Специального комитета по реактивной технике (Комитет № 2). А 2 августа 1946 г. произошло утверждение Маленкова на посту заместителя председателя Совета министров СССР и введение в состав бюро этого государственного органа. В тот же день постановлением Политбю-

нил: «Шахурин и Новиков ведомственные интересы ставили выше государственных, загубили дело, и после них пришлось много работать, чтобы наладить производство реактивных самолетов» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О. В. Хлевнюк, Л. А. Роговая и др. М., 2002. С. 205–206; Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956 г.: В 3 т. / Сост. А. Артизов, Ю. Сигачев и др. Т. 1. М., 2000. С. 51; РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 1371. Л. 15–16; *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 238–239).

ро было закреплено и ведущее положение Жданова в аппарате ЦК: продолжая руководить идеологической сферой, он также стал председательствовать на заседаниях Оргбюро ЦК¹.

Так волей Сталина произошел «развод» Маленкова и Жданова, в результате которого первый стал заместителем вождя по руководству государственными делами, а второй — партийными. В данной аппаратной диспозиции приоритетным было положение Жданова, причем не только в силу того, что партия продолжала главенствовать над государством, но и потому, что и в самом Совете министров СССР ленинградскую группировку представляли такие влиятельные политики, как, например, председатель Госплана СССР и кандидат в члены Политбюро Н. А. Вознесенский. Тем не менее Маленков сохранял шансы на реванш, так как Сталин, высоко оценивая деловые и организаторские способности этого провинившегося фаворита, продолжал использовать его в качестве политического противовеса Жданову.

Ждановщина в контексте интриг

В то время как происходили эти подковерные кремлевские разборки, локомотив всемирной истории въезжал на всех парах в мрачный тоннель продолжительной холодной войны, одной из основных начальных вех которой стала фултонская речь У. Черчилля, заявившего 5 марта 1946 г., что от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на Европейский континент². Вскоре в анналах этой истории обозначились такие знаменательные вехи, как американские «доктрина Трумэна», «план Маршалла», советская блокада Западного Берлина. Мир раскололся на две противостоящие и враждебных друг другу политические силы: возглавлявшийся США «свободный мир»

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 95–98.

² Правда. 1946. 11 марта.

и, по дефиниции Жданова, — «лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР»¹. Приглушенные было войной идеологические различия между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком вновь вышли на передний план, став в рамках возникшей биполярной системы лейтмотивом глобальной идейно-политической конфронтации.

Отвечая на этот вызов, Сталин развернул тотальную психологическую мобилизацию подданных, прибегая к испытанному уже прежде лозунгу защиты осажденной крепости. Однако идеологической накачке общественного сознания препятствовала подспудная дебольшевизация советского общества, которая заметно усилилась еще с конца 1930-х гг. (в связи с заключением пакта с Германией и укреплением позиций в советском руководстве номенклатурной технократии во главе с Маленковым и Берией), а своего пика достигла во время войны (роспуск Коминтерна в угоду западным демократиям, частичная реабилитация Русской православной церкви и т.п.). Другой идейно разлагающий фактор был усмотрен вождем в затаившейся, по его мнению, инерции победной эйфории народа, который неисчислимыми жертвами выстрадал свое право на достойную послевоенную жизнь. Но самое главное, тот в большинстве своем продолжал симпатизировать прежним странам-союзницам. Чтобы пресечь дальнейшее всенародное «почивание на лаврах Победы», Сталин уже в конце 1946 г. отменил официальное празднование этого исторического события, перенеся выходной день с 9 мая на 1 января.

И как всегда это происходило в периоды ужесточения режима, стал набирать обороты механизм репрессивной машины. 20 августа 1946 г. Политбюро предписало министру госбезопасности Абакумову «организовать... централизованный учет антисоветских элементов, проходящих по агентурным разработкам, а также централизовать учет

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 22–23.

массового осведомления». При этом наряду с давно существовавшим при МВД СССР Особым совещанием, управлявшим обвиняемых в ГУЛАГ во внесудебном порядке (только на основании заключения следствия), таковое учреждалось и при МГБ СССР, где для руководства ведомственными местами заключения создавался тюремный отдел¹.

Ради пресечения в обществе либеральных «бессмысленных мечтаний» Сталин и осуществил в 1946 г. отмеченное отлучение технократа-хозяйственника Маленкова от Секретариата ЦК и руководства идеологической сферой, передав управление ею такому приверженному революционно-большевистской догме партфункционеру, как Жданов². Несмотря на слабое здоровье, он с таким энтузиазмом принялся закручивать идеологические гайки, что данный политический феномен вошел в историю под мрачноватым названием «жда-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 129–133.

² Фанатично убежденный в государственной важности порученной ему миссии, Жданов, по свидетельству близкого к нему чиновника, рассуждал следующим образом: «Положение достаточно серьезное и сложное. Намерение разбить нас на поле брани провалилось. Теперь империализм будет все настойчивей разворачивать против нас идеологическое наступление... И совсем неуместно маниловское прекраснодушие: мы-де победители, нам все теперь нипочем... Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они хотят теперь хорошо жить. Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне... Среди части интеллигенции, и не только интеллигенции, бродят такие настроения: пропади все пропадом, всякая политика, хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. С удовольствием отдыхать... Настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны. Они ведут нас в трясину... В литературе, драматургии, кино появилась какая-то плесень. Эти настроения становятся еще опаснее, когда они дополняются угодничеством перед Западом: “ах, Запад!”, “ах, демократия!”, “вот это литература!”, “вот это урны на улицах!”. Какой стыд, какое унижение национального достоинства!» (*Шенилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 11).

новщина», хотя этот политик был лишь «постановщиком» сценариев Сталина.

Производившаяся Сталиным смена руководства аппарата ЦК, в результате чего в нем воцарился Жданов, не могла не обеспокоить главу Агитпропа Александрова, который, конечно, не обольщался иллюзиями относительно перспективы дальнейшей работы на Старой площади, резонно полагая, что он как «человек» Маленкова рано или поздно будет «выдавлен» из аппарата ЦК. Возможно, чтобы отстрочить эту неизбежную развязку и укрепить собственное служебное положение, начальник УПиА развил летом 1946 г. кипучую деятельность на идеологическом фронте. В июле при его активном участии Высшую школу партийных организаторов преобразовали в Высшую партийную школу. Тогда же он добился создания в структуре УПиА подведомственного печатного органа — газеты «Культура и жизнь». Сразу же продемонстрировав разносный стиль критики авторов идеологически «незрелых», «чуждых», а то и вовсе «враждебных» произведений, это издание очень скоро стало негласно именоваться в кругах интеллигенции «Александровским централом». Сохраняя видимость лояльности Жданову и понимая, что прочной гарантией его выживания и дальнейшего карьерного процветания на Старой площади может стать только победоносное возвращение туда Маленкова, Александров продолжал закулисное партнерство с этим попавшим в опалу покровителем, благо тот быстро оправился от недавнего удара, нанесенного ему изменчивой судьбой, точнее, враждебной номенклатурной группировкой.

В этом новом раунде подковой борьбы основным оружием Александрова стала рутинная агитпроповская практика директивной порки редакций литературных журналов за публикацию очередных произведений, написанных в духе «наплеви́зма и безыдейности». Кстати, чем резче и зубодробительней звучала критика, тем меньше она имела отношения к литературе и тем определеннее в ней угадывался подтекст верхушечных политических разборок. Так было и в апреле 1946 г., когда, отстраняя Маленкова от руковод-

ства идеологией, Сталин и Жданов сетовали на то, что из-за недосмотра Агитпропа московский «Новый мир» превратился в «худший» журнал¹.

Действуя по той же схеме, Александров 7 августа 1946 г. подготовил совместно со своим заместителем А. М. Еголиным записку «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”», в которой в общей сложности «пропесочивались» 15 авторов, главным образом ленинградских, в том числе А. А. Ахматова и М. М. Зощенко. И если работы первой особо не выделялись из общего ряда критиковавшихся произведений, то рассказ второго «Приключения обезьяны», опубликованный в журнале «Звезда», удостоился резкого эпитета «порочный». Поскольку записка адресовалась защищавшему «ленинградцев» Жданову, содержащиеся в ней обвинения в целом носили умеренный характер. Даже об ответственности Ленинградского горкома, «проглядевшего ошибки» журнальных редакций, говорилось в осторожном тоне². Видимо, Александров старался до поры до времени не раздражать своего нового шефа. Соблюдая осторожность при провоцировании этого «несгибаемого борца за идейную чистоту советской литературы» на развертывание крупной пропагандистской акции, глава Агитпропа, возможно, полагал, что неожиданный удар по Жданову лучше нанести, когда тот, ввязавшись в морализаторско-эстетическую риторику, утратит за эмоциями бдительность.

И данный вероятный расчет Александрова оправдался. Как он потом проговорился, «чашу весов переполнил» рассказ «Приключения обезьяны» Зощенко. Узрев в записке описание нового «литературного хулиганства» давно нелюбимого автора, Жданов вошел в раж и потребовал немедленно разобраться с этой «пошлой» публикацией, что и начали лихорадочно исполнять в аппаратах ЦК и МГБ. Для пущей важности в разряд главных жертв готовившейся пропагандистской кампа-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2–4.

² «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. док. С. 191–197.

нии была включена и Ахматова¹, чей вышедший еще в 1940 г.

¹ Советское руководство не могло простить Ахматовой ее литературного аристократизма, демонстративной отстраненности от официальной литературной жизни. Как явствует из донесения ленинградского управления госбезопасности, в августе 1944 г. она заявила «источнику»: «Я вообще перестала печатать сейчас стихи, так как, по-видимому, участь русской поэзии сейчас — быть на нелегальном положении...» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 30. Л. 25). Правда, оказавшись после войны во власти иллюзорных надежд интеллигенции на возможность выстраданной народом свободы, Ахматова на короткое время вышла из творческого затворничества. Стала устраивать публичные поэтические концерты, встречи с читателями. В мае 1946 г. она специально приехала в Москву, где в Колонном зале Дома Союзов в ее честь был устроен литературный вечер, на котором присутствовали сливки столичного общества и иностранные дипломаты. Публика устроила поэту триумфальный прием, что не могло понравиться властям. В том, что Ахматова оказалась одним из основных объектов официальных пропагандистских нападок, большую роль сыграло и стремительное нарастание в СССР политической ксенофобии, вследствие чего даже самые невинные контакты с внешним миром вызывали в верхах серьезные подозрения. Между тем в конце 1945 г. Ахматову трижды посетил в ее ленинградской квартире специально приехавший из Москвы второй секретарь английского посольства Исайя Берлин. Родившись в России в 1909 г., он через десять лет покинул ее вместе с родителями, перебравшимися в Англию. Окончив в 1935 г. Оксфордский университет, преподавал философию. Приехав после войны в СССР, встречался помимо Ахматовой с К. И. Чуковским, С. М. Эйзенштейном, А. Я. Таировым, И. Л. Сельвинским. В Переделкине Берлин навестил Б. Л. Пастернака, который как никто другой олицетворял следующую парадигму Г. П. Федотова: «В государстве Сталина, как и в Риме Тиберия, молчание есть единственно достойное существование независимого человека». Возможно, поэтому поэт отказался обсуждать с гостем еврейскую тему, заявив, что является сторонником ассимиляции. «Он говорил со мной как верующий христианин», — напишет потом Берлин. Эти визиты он совершил не по долгу службы, а сугубо из личного интереса к русской литературе, переросшего потом в профессиональную научную деятельность и принесшего ему широкую известность и рыцарский титул. На первой встрече с Ахматовой Берлина, согласно сводкам наружного наблюдения, сопровождал литературовед В. Н. Орлов. Прямо с порога Берлин несколько высокопарно заявил Ахматовой: «Я приехал в Ленинград специально приветствовать вас, единственного и последнего европейского поэта, не только от своего имени, но и от имени всей старой английской культуры. В Оксфорде вас считают самой легендарной женщиной. Вас в Англии переводят с таким уважением, как Сафо». Разумеется, Ста-

стихотворный сборник Жданов приказал изъять из продажи, квалифицировав его содержание как «блуд с молитвой во славу божию»¹.

Сталин поддержал своего заместителя по партии в намерении сурово и примерно наказать именно этих двух литераторов, широко известных и популярных среди интеллигенции, но не желавших поставить свой талант на службу режиму. Главное зло ему виделось в том, что писательская элита, подобно беспечной и неблагодарной птице, пыталась выпорхнуть из сооруженной им для нее золотой клетки (в виде Союза советских писателей и Литфонда) и устремиться навстречу «свободному Западу». Посредством пропагандистской кампании вождь надеялся выветрить «буржуазный душок», привнесенный в общество в ходе недавних массовых контактов советских

лин воспринял это литературно-интернациональное свидание как замаскированный шпионаж англичан. В этом убеждении он наверняка укрепился после того, как Лубянка сообщила ему о том, что Берлин пытался договориться с Ахматовой об установлении «нелегальной связи» и что он был замечен у нее дома в обществе Рэндольфа Черчилля — гостившего в Ленинграде сына бывшего премьер-министра Великобритании. К тому же по городу поползли слухи о том, что англичане хотят выманить Ахматову за границу и даже тайно прислали за ней самолет. Утверждается, что узнав об этом, Сталин, еле сдерживая ярость, произнес: «А, так нашу монашку теперь навещают иностранные шпионы...» (*Федотов Г. И.* Тяжба о России. Париж, 1982. Т. 3. С. 332; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 30. Л. 23–30; *Берлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг. // Звезда. 1990. № 2. С. 142, 147–148, 153).

В свою очередь Зошенко раздражал Агитпроп тем, что своей едкой в народном стиле сатирой срывал пропагандистский глянec, старательно нанесенный властью на убогую советскую повседневность, выдававшуюся ею за преддверие славного коммунистического будущего. Однако ни Ахматова, названная Ждановым «представителем безыдейного реакционного литературного болота», ни «пошляк» и «подонок литературы» Зошенко так и не были арестованы. Видимо, в Кремле не столько хотели расправиться с ними, сколько путем их пропагандистской порки стремились преподать наглядный урок вечно неугомонной либеральной интеллигенции, непозволительно осмелевшей за годы войны.

¹ «Литературный фронт». С. 53, 215–221. Перефразировка дефиниции Б. М. Эйхенбаума об ахматовском стиле «монашки и блудницы» (Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг., 1923).

людей с иностранцами в освобожденной Европе, а также посредством так называемых трофейных кинофильмов и ленд-лизовских американских товаров широкого потребления.

Механизм новой идеологической кампании был запущен Оргбюро ЦК 9 августа 1946 г. Председательствовал Жданов, но, самое главное, присутствовал Сталин, не бывавший до того на заседаниях этого цековского органа в течение пятнадцати лет. С основным докладом выступил Александров, которому внимал сохранивший членство в Оргбюро Маленков. Не трудно предположить, что он тщательно отслеживал ход дискуссии, развернувшейся тем временем после выступления руководителя Агитпропа, чтобы в подходящий момент предпринять то главное, ради чего, собственно, и затевался новый раунд закулисной политической игры. На сей раз опальный царедворец подготовил для своего противника неприятный сюрприз: добытое с помощью аппаратных связей постановление Ленинградского горкома от 26 июня, которым «ленинградские товарищи» самовольно, без согласования с ЦК, включили Зоценко во вновь создаваемую редколлегию журнала «Звезда». И вот когда в возникшем тем временем диалоге между Сталиным и поэтом А. А. Прокофьевым (членом редколлегии «Звезды»)¹ образовалась пауза, Маленков взял слово. Как бы дополняя список прегрешений руководства журнала, он произнес не без ехидства: «И обиженных приютили. Зоценко критиковали, а вы его приютили». Сталин, озадаченный этим ранее неведомым ему обстоятельством, сразу поинтересовался, кто же сие дозволил. В ответ Маленков с готовностью пояснил: «Это Ленинградский комитет разрешил». Столь неожиданное откровение резко изменило характер дискуссии. И хотя Жданов попытался вернуть ее в русло ритуального резонерства на тему мелкобуржуазных извращений принципа партийности в литературе, однако из этого ничего не вышло.

С этого момента, как, очевидно, и рассчитывали Маленков и Александров, в чьей игре Зоценко и Ахматовой отводилась

¹ Именно в ходе этого диалога прозвучала грозная фраза Сталина «Мы... доберемся до всех» (Литературный фронт. С. 204).

явно вспомогательная роль, внимание Сталина и других членов Оргбюро переключилось на «неожиданно» вскрывшийся факт игнорирования центра подопечными Жданову «ленинградцами». Маленков мог торжествовать, поскольку Сталин включил его в комиссию по подготовке решения ЦК по ленинградским журналам. И этот предоставленный вождем шанс Маленков использовал максимально, проследив, чтобы в утвержденном 14 августа постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» присутствовали опосредованно «бывшие» по Жданову «оргвыводы» в отношении региональных ленинградских руководителей¹.

Эта непубличная победа Маленкова дорогого для него стоила. Он как никто другой знал, что символ русского европеизма и западничества Ленинград был для Сталина примерно тем же, что вольный Новгород для Ивана Грозного, — вечно саднящая и незаживающая душевная рана. Даже лишенное большевиками столичного статуса, это космополитическое творение Петра I продолжало своим европейским архитектурным лоском выделяться на общем неприглядном фоне других советских городов, невольно бросая тем самым вызов традиционно почвеннической Москве, которая, несмотря на все старания Сталина архитектурно ее обновить, оставалась преимущественно хаотично и убого застроенной. И это также не могло не задевать его, высоко оценивавшего историческую миссию Москвы как «основы объединения разрозненной Руси в единое государство, с единым правительством, единым руководством»². Наверняка до подозрительного правителя доходили циркулировавшие с 1944 г. слухи о Ленинграде как о будущей столице РСФСР и его руководителях как о без пяти минут республиканских и, возможно, всесоюзных лидерах. В противном случае он не назвал бы Ленинград «заговорщицким городом». Тем более, что эти толки имели под собой определенное основание. Хрущев вспоминал, что когда он однажды, незадолго до смерти Жданова, встретился с ним, тот печально произнес: «Знаете,

¹ Литературный фронт. С. 197–225.

² Правда. 1947. 7 сентября.

Российская Федерация... такая несчастная, в каком она положении!.. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП(б)»¹.

Романтику русофильства в Жданове подпитывал главным образом председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов, который пытался через него «пробить» гимн России, подготовленный на основе музыки Д. Д. Шостаковича и стихов С. П. Щипачева и заканчивавшийся следующим куплетом: «Славься, Россия, — отчизна свободы! / К новым победам пойдем мы вперед. / В братском единстве свободных народов / Славься, великий наш русский народ!»². Однако в отличие от других союзных советских республик РСФСР так и не обрела этот вроде бы обязательный атрибут государственности. И скорее всего потому, что Сталин, да и его преемники по руководству СССР, во многом воспринимали Россию как несовместимую с Советским Союзом политическую альтернативу³. К несчастью для Жданова и других «ленинградцев», они этого не поняли. Быть может, и это их заблуждение наряду с прочим подвигло Сталина на самую кровавую после войны репрессивную акцию — так называемое «ленинградское дело», по которому в 1950 г. были расстреляны Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, другие высокопоставленные чиновники, связанные с умершим к тому времени Ждановым. Так с древа национальной государственности была безжалостно обрублена ленинградская политическая ветвь, которая, будучи питаема соками робко возрождавшие-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 808. Л. 58; *Хрущев Н. С.* Воспоминания // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 62; 1991. № 11. С. 45.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 453. Л. 23.

³ Примечательно, что когда осенью 1943 г. Сталин в угоду союзникам и в попытке нейтрализовать либеральную политику гитлеровцев на оккупированных территориях пошел на восстановление патриаршества, он не позволил использовать титул прежнего главы Русской православной церкви Тихона (В. И. Белавина) — «патриарх Московский и всея России». Поэтому в формулировке величания его преемника, митрополита Сергия (И. Н. Страгородского), дореволюционное название страны заменили на архаичное — Руси. И это несмотря на то, что последний провозгласил Сталина в ноябре 1942 г. «богоизбранным вождем воинских и культурных сил России».

гося после войны российского самосознания, могла оказаться весьма плодотворной для страны, даже при том, что реализация ждановской идеи возрождения государственности России была чревата, как показал ход истории, распадом советской империи. И получилось, что, инициировав сначала рост русского самосознания и прагматично используя его в годы войны в интересах спасения страны, да и собственной власти, Сталин вместе с тем ограничил русскую идею прокрустовым ложем имперских задач, чтобы потом жестко пресекать любые попытки ее приверженцев выйти за эти рамки.

«Дело КР» и суды чести

Хотя постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. об Ахматовой и Зощенко поначалу воспринималось многими как результат текущей разборки властей по «отдельным» фактам литературного вольномыслия, на самом деле оказалось, что оно знаменовало собой поворотный пункт в послевоенном идеологическом воздействии режима на общество. Дело в том, что в этой директиве интеллигенция впервые подверглась бичеванию за дух «низкопоклонства по отношению ко всему иностранному»¹. И пусть этот тезис борьбы с «антипатриотизмом» был обозначен только «по касательной», уже в 1947 г. он стал лейтмотивом советской партпропаганды. Во весь голос он заявил о себе «делом КР» — предпринятым властями показательным разбирательством «антигосударственного поступка» микробиологов Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина, передавших за границу свой «секретный антираковый препарат» круцин (КР) и книгу о нем. Развертывание данной кампании явилось ответом Сталина на известную американскую «доктрину Трумэна» по поддержке «свободных народов» и «сдерживанию коммунизма», с которой президент США выступил в Конгрессе 12 марта 1947 г.

В области биотерапии рака Ключева и Роскин специализировались с конца 1930-х гг., начав тогда же публиковаться

¹ Большевик. 1946. № 15. С. 12.